

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ АКСИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Е. Демидчик, А. В. Динельт (Новосибирск)

Вопросы аксиологии образования всего раньше стали специально рассматриваться в письменности Древнего Египта. В статье реконструируются концепции ценности и целей образования, отразившиеся в «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа» и «Прославлении писцов».

Ключевые слова: аксиология образования, цели образования, непрерывное образование, древнеегипетская письменность, «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа», «Прославление писцов».

THE ANCIENT EGYPTIAN PREHISTORY OF THE AXIOLOGY OF EDUCATION

A. E. Demidchik, A. V. Dinelt (Novosibirsk)

The oldest surviving texts on the issues of axiology of education are from Ancient Egypt. The article studies the concepts of the values and purposes of the education reflected in the Egyptian treatises "The Teaching of Khety, Duauf's Son" and "Glorification of Scribes".

Key words: axiology of education, purposes of education, permanent education, ancient Egyptian literature, "The Teaching of Khety, Duauf's Son", "Glorification of Scribes".

Со второй половины XX в. аксиологический подход к образовательной деятельности признан одним из основополагающих элементов современной философии образования. Естественно, что с этого же времени стали появляться очерки истории «аксиологии образования» как особого направления философской мысли. Его истоки обычно находят в античной философии и религиозно-этических учениях, распространившихся с «Осевого времени» на Востоке – в конфуцианстве, буддизме и т. д. В предлагаемой статье, однако, будет показано, что письменное обсуждение ценностей и целей образования началось еще в Древнем Египте, и что именно там были сформулированы некоторые из идей, затем повторяющихся на Западе, начиная с античности.

Демидчик Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, теории культуры и музеологии ГОУ ВПО «Новосибирского государственного педагогического университета».

630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, д. 28, к. 319 а.

E-mail: a-demidchik@yandex.ru

Динельт Анна Владимировна – аспирантка кафедры истории, теории культуры и музеологии ГОУ ВПО «Новосибирского государственного педагогического университета».

630126, Новосибирск, ул. Виллойская, д. 28, к. 319 а.

E-mail: annadi@yandex.ru

Как известно, уже с начала III тысячелетия до н. э. древнеегипетская цивилизация испытывала острую потребность в образованных управленческих кадрах – «писцах» (писцом в Древнем Египте мог быть назван всякий «образованный», то есть обученный чтению и письму). Следствием этого стало формирование системы древнеегипетских «школ», а вместе с ней и дискурса о ценности, смысле и целях образовательной деятельности. Канонической формой рассмотрения таких вопросов применительно к отдельному человеку в Древнем Египте стали так называемые «поучения».

Древнейшим в мировой истории сочинением, специально посвященным раскрытию ценности и смысла образования для отдельного человека, является созданное в XX в. до н.э. «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» (см. : [1, S. 1–192, Tf. XLI–XCIV; 2, с. 55–60; 3]). Его появление, а равно и важнейшие особенности его содержания, объясняются тем, что в Древнем Египте обучение иероглифике и счету было делом долгим и для большинства учеников невероятно утомительным. Школьная учеба сводилась к бесконечной зубрежке при полном отсутствии творческих, эвристических, игровых и других элементов. Побуждать юношей к прилежанию было принято лишь побоями и, как придумал названный в «заглавии» Ахтой, восхвалениями благополучной судьбы образованного человека, «писца».

Первый из двух основных разделов «Поучения» содержит рассказ о том, сколь тяжела участь людей, не получивших образования. В Древнем Египте они были вынуждены заниматься тяжелым и порой опасным физическим трудом, состояли под строгим надзором начальников, терпели нужду и лишения. Во втором разделе «Поучения» говорится, что полной противоположностью этому является судьба человека, получившего образование: обычно он сам становится начальником или состоит при начальстве, а потому избавлен от физического труда, наслаждается почтением нижестоящих и материальным достатком. Только образование, утверждает Ахтой, открывает юноше путь к житейским благам, сопряженным с карьерой, и, значит, даже «один день в учебе» для него «полезнее», чем целая «вечность» на работах, не требующих образования.

Такое понимание ценности и смысла образовательной активности индивида в большинстве случаев казалось египтянам достаточным: Ахтой был признан «главой (то есть величайшим из) всех писцов», его «Поучение» вошло в «школьную программу» и вызвало многочисленные подражания [4, с. 143–169]. Все они, описывая бедственное положение представителей других профессий, вновь и вновь повторяли, что «писец – он руководит всеми, и не обложена налогами работа в письме», потому «сладостны и изобилуют имуществом письменный прибор<...> и <...> свиток папируса» [4, с. 152–153].

Однако у предложенной Ахтоем триады соподчиненных ценностей «образование – карьера – житейское благополучие» был неустранимый изъян. В действительности, карьера и житейское благополучие египтянина непосредственно зависели от благосклонности к нему вышестоящих лиц и часто не коррелировали с его образовательным уровнем. А без гарантированной связи с житейским преуспеванием образовательная актив-

ность индивида казалась лишенной ценности. Поэтому в Древнем Египте было сформулировано и принципиально иное понимание ценности образования для его индивидуального субъекта. Соответствующее сочинение, известное как «Прославление писцов», сохранилось в рукописи XIII в. до н.э. на оборотной стороне папируса Честер – Битти IV (Британский музей, Лондон). Величайшую ценность образования неизвестный нам автор видит в том, что оно позволяет индивиду создать нечто полезное для всех людей, нечто востребованное всем человечеством. Следствием этого является всеобщая благодарная память о данном «образованном» человеке («писце»), не зависящая от произвола каких бы то ни было начальников. А поскольку в Египте добрая память о человеке была неразрывно связана с сохранением его поминального культа и, стало быть, его «посмертной жизни», в «Прославлении писцов» образование оказывается важнейшей предпосылкой обретения индивидуального бессмертия.

Речь в этом сочинении идет о способности образованного человека создавать «мудрые» тексты, помогающие прочитавшим их устраивать жизнь к лучшему. Египетская традиция ритуального почитания авторов «мудрых» сочинений прослеживается еще с XX в. до н.э. Обращавшийся к таким сочинениям ученик или «писец» совершали их усопшему автору жертвенное мини-возлияние, тем самым скрашивая его посмертное существование. С Нового царства данный обряд регулярно исполнялся в честь Имхотепа, считавшегося не только великим зодчим, врачом, звездочетом, но и автором древнейшего «поучения». В «Прославлении писцов» этот египетский обычай получил расширительное толкование: «Что до сведущих писцов времени преемников богов, тех (писцов), что умели предсказать грядущее – случилось с ними, что их имена прочны на века, хоть они ушли, прожив свои жизни, и все их близкие позабыты. Они не возвели себе пирамиды из меди с кладбищенскими стелами из железа; они не сумели оставить наследников – детей [...которые бы] произносили их имена (при заупокойной службе), но они сделали своими наследниками письмена с поучениями, созданными ими. Они назначили себе в наследники (папирусный) свиток в качестве жреца-чтеца (поминального ритуала) и доску для письма в качестве сына-распорядителя (поминального культа); поучения – их пирамиды, тростниковое перо – их младший сын...

Воздвигали [им] двери и залы (для поминальных служб), но они рассыпались, и заупокойные жрецы перемешались, [уходя]; их кладбищенские стелы покрыты грязью, (и даже) их гробницы потеряны. Но из-за созданных ими свитков произносятся их имена еще со времени их жизни, и крепка память об этом, ведь они создали их (то есть письмена) для будущего и навеки.

Будь писцом, помести это в сердце свое, чтобы стало твое имя таким же! Книги полезнее кладбищенской стелы и крепко поставленной гробничной стены (?), ибо они становятся часовнями и пирамидами, побуждающими к произнесению их (то есть писцов) имен; и, конечно, полезно на кладбище, когда имя (сохраняется) в устах людей!

Человек сгинул, и его тело (стало) пылью. Его близкие (превратились) в прах, но письмена побуждают помянуть его устами чтеца (поминаль-

ных) заклинаний. Свиток полезнее возведенного дома, и часовни на Западе (т.е. кладбищенской); он прекраснее, чем обустроенный загородный особняк и стела в храме. Есть ли здесь подобный Джедефхору? Есть ли другой подобный Имхотепу? Не случилось среди наших близких подобных [Неферти] и Хети, их главе. Я напоминаю тебе имена Птахемджехути и [Хахеперрасенеба]. Есть ли другой подобный Птаххотепу и Каирсу? (названы восемь самых знаменитых древнеегипетских «литераторов»; подробнее о них см.: [4, с. 75–78]). Эти мудрецы, умевшие даже предсказать грядущее – исходившее из их уст сбылось: можно найти (это) в изречении и записано (это) на своем свитке. Отданы им чужие дети в наследники, точно дети их (собственные), ибо их секреты и волшебство – для всех людей, читающих (их) поучения. Они ушли, но (как только) забываются их имена, письменами восстанавливается память о них» [5, vol. I. P. 37–40; vol. II. Pl. 18, 19; 4, с. 164–165].

Древний автор утверждает, что образование писца позволяет ему создавать сочинения, которые будут читаться многими поколениями людей дольше, чем существуют любые кладбищенские стелы и даже царские пирамиды. А поскольку слава и сопровождающий её заупокойный культ гарантируют писцу загробную жизнь, в «перспективе вечности» образование обладает ценностью даже большей, чем дающий право на пирамиду царский сан.

Впервые высказанная в древнеегипетском «Прославлении писцов» идея бессмертия творцов «великих» текстов, как известно, была затем развита в античности и в Новое и Новейшее время на Западе [6]. Она возродилась в ранней греческой лирике и обрела чеканную форму в знаменитых одах Квинта Горация Флакка «*Exegi monumentum aere perennius...*» (Carm. III, 30) и «*Non usitata nec tenui ferar...*» (Carm. II, 20). Более двух с половиной веков звучит эта тема и в русской поэзии: в шедеврах М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, А. А. Фета, В. Я. Брюсова, В. Ф. Ходасевича и др. Гениальным ее выражением стали пушкинские строки о «памятнике нерукотворном».

В Египте же концепция ценности образования, сформулированная в «Прославлении писцов», привела к принципиально новому пониманию его конечной цели и важнейших образовательных компетенций. В упоминавшемся ранее «Поучении Ахтоя» цель индивидуального образовательного процесса сводилась лишь к обретению профессиональных навыков, необходимых для карьерного роста. Желаемая мера профессионального совершенства при этом выглядела вполне достижимой, а обретаемые компетенции сводились к способности применять, то есть воспроизводить некие общепризнанные образцы (известные правила, канонические формы и т. д.). «Прославление» же впервые назвало конечной целью образования способность субъекта создавать произведения общечеловеческого значения, для чего ему, естественно, требуются широчайшие знания и непревзойденная мера того, что египтяне называли *Hmwt*-«мастерством».

В «Прославлении писцов» абсолютное «мастерство» – самая желанная для индивида цель образовательного процесса. Вместе с тем данная цель выглядела столь труднодостижимой, что движение к ней должно было продолжаться всю жизнь. Предложенное в «Прославлении писцов» пони-

мание ценности образования требовало от индивида непрекращающегося совершенствования – непрерывного (само)образования. Подтвердить это можно отрывком из знаменитого «Поучения Птаххотепа»: «Не кичись, что учен, советуйся (даже) с неискушенным, как со сведущим; ведь недостижим предел мастерства, и нет мастера, овладевшего им всецело» [7, р. 20]. Сходным образом, и в Древней Месопотамии «мастерство писца» часто сравнивали с необъятным морем, по которому нужно плыть всю жизнь, ибо противоположный берег практически недостижим [8, с. 133, 346].

Другим важным следствием предложенного в «Прославлении» понимания ценности образования стало признание важности воспитания в индивиде *способности к инновациям*. Ведь заложенная в «Прославлении» идея создания образованным человеком «непревзойденного» шедевра не могла не означать, что какие-то элементы или черты его творения прежде никем не создавались. Примечательно, что и первая часть древнеегипетского сочинения «Изречения Хахеперрасенеба» (XIX в. до н.э.) была впервые в мировой истории посвящена описанию мук *творчества* – поиску «новых слов» для «вечных истин». Как отмечал М. А. Коростовцев, «Хахеперрасенеб хочет быть новатором в литературе, его не удовлетворяет обычное повторение уже много раз высказывавшихся истин, ставших банальными, он хочет найти “неизвестные <...> высказывания и изречения, непривычные, из новых слов, не бывших (ранее)...”. Это ли не творческие поиски автора?» [4, с. 81]. Следует, правда, признать, что на практике развитием творческого мышления египетская педагогика почти не занималась [4, с. 24–49].

Многokrатно обращаясь к вопросу о пользе образования для индивида, египтяне специальных сочинений о ценности образования для социума не создали. Эта проблема была решена и всегда рассматривалась ими в рамках основополагающей для египетской культуры концепции миро-порядка – *маат*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jäger S.** Altägyptische Berufstipologien. – Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Coptologie. – 2004. – 324 S.
2. **Хрестоматия** по истории Древнего Востока / под ред. В. В. Струве, Д. Г. Редера. – М.: Изд-во вост. лит. 1963. – 544 с.
3. **Берлев О. Д.** Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. – М.: Наука, 1984. – С. 26–34.
4. **Коростовцев М. А.** Писцы Древнего Египта. – М.: Восточная литература, 1962. – 175 с.
5. **Gardiner A. H.** Hieratic papyri in the British Museum: Third series: Chester Beatty gift. – L.: The British Museum, 1935. – Vol. 1–2.
6. **Hui A.** Texts, Monuments and the Desire for Immortality // Moment to Monument: The Making and Unmaking of Cultural Significance. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2009. – P. 19–34.
7. **Zaba Z.** Les Maximes de Ptahhotep. Prague: Éditions de l'Académie Tchecoslovaque des Sciences // Nakladatelství Československé Akademie Véd. – 1956. – 176 p.
8. **Дьяконов И. М.** Люди города Ура. – М.: Наука, 1990. – 412 с.